

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

**ХРОНИКА
МУХАММЕДА ТАХИРА
АЛ-КАРАХИ**

О ДАГЕСТАНСКИХ ВОЙНАХ В ПЕРИОД ШАМИЛЯ

АРАБСКИЙ ТЕКСТ,
ПОДГОТОВЛЕННЫЙ А. М. БАРАБАНЫМ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, XXXVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

ХРОНИКА МУХАММЕДА ТАХИРА АЛ-КАРАХИ

*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

М-03810. Тип. заказ № 929. Подп. к печ. 3/VI 1946 г.
Печ. л. 20^{1/2}. Уч.-издаг. л. 24. Тираж 1000.

1 я типография Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 лин., 12

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание выходит в свет не совсем в том виде, как предполагалось по первоначальному плану. Мировая война и блокада Ленинграда нарушили нормальную работу над ним. С самого начала войны автор ушел добровольцем на фронт, откуда уже не вернулся. Издание не было полностью при нем отпечатано, а его отсутствие не позволило исправить недочеты, замеченные при окончательном просмотре.

Систематическая работа над „Хроникой“ Мухаммеда Тахира ал-Карахи была начата А. М. Барабановым в 1938 г., когда в связи с планом своей кандидатской диссертации он решил сосредоточиться на изучении арабской литературы Северного Кавказа. Издание было рассчитано на три тома — текст, перевод и исследование памятника, как исторического источника. Основой должна была послужить подготовка критического издания текста; в ходе ее А. М. Барабанов был командирован в Махач-када в Дагестане, где ему посчастливилось найти несколько, до того неизвестных рукописей „Хроники“, одна из которых и легла в основу намеченного издания.¹

Детальное изучение большого количества рукописей одного и того же произведения позволило ему сделать открытие, важное для арабской письменности Северного Кавказа вообще: он выяснил смысл тех вспомогательных значков, которые применялись в рукописях этого происхождения и оставались до последнего времени непонятными для ученых. обстоятельная статья об этом увидела свет уже после смерти автора.²

¹ Подробности о рукописях, использованных при издании и переводе текста см. в предисловии к переводу (стр. 22—23) и тексту (стр. 19).

² Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа. Советское востоковедение, III, 1945, стр. 183—214.

Печатание текста и перевода „Хроники“ происходило одновременно; перевод был выпущен отдельной книгой к апрелю 1941 г.¹

Работа по изданию текста, более сложная в техническом отношении, проходила медленнее, и к началу мировой войны было отпечатано в чистовом виде не более половины листов. Между тем, систематический просмотр отпечатанного текста параллельно с переводом к этому времени обнаружил, что в обе части работы вкралось не мало недоразумений, преимущественно в собственных именах. Обуславливались они, главным образом, тем, что с самого начала издатель не в должной мере учел влияние аварского языка как на арабскую графику памятника вообще, так в особенности на передачу форм личных, племенных и географических названий, в известной мере и на синтаксические обороты.

К сожалению, военные обстоятельства и стремление предохранить готовый набор от возможных случайностей блокады требовали скорейшего печатания; в связи с этим было решено довести печатание текста в том виде, как он был подготовлен, без всяких изменений до конца. Ко времени прекращения деятельности типографии зимой 1941—1942 г. было отпечатано уже 19 листов. Вместе с тем для частичного исправления вкравшихся в оба тома недоразумений было признано необходимым по инициативе проф. А. Н. Генко приложить к тексту особый, составленный им указатель географических и племенных названий в тройкой передаче — арабской, местной, принятой в народном употреблении, и русской официальной, зафиксированной в эпоху событий, о которых идет речь в „Хронике“.

Когда деятельность типографии восстановилась после снятия блокады, выяснилось, что отпечатанные листы текста полностью сохранились. Уцелел и набор не отпечатанных первого и двадцатого листов текста, но, к сожалению, нигде не был обнаружен указатель А. Н. Генко, не найденный ни в оригинале, ни в наборе, в связи с чем недоразумения, о которых шла речь, остались неисправленными.

Только в корректурном оттиске сохранилось введение А. М. Барабанова, которое и набрано вновь по этому оттиску. Уже в последнюю минуту, пользуясь кратковременным проездом с ленинград-

¹ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. Перевод с арабского А. М. Барабанова. Предисловие акад. И. Ю. Крачковского. Труды Института востоковедения, XXXV. Академия Наук СССР. Институт востоковедения. М. — Л., 1941, 8^о, 336 стр.

ского фронта и, точно предчувствуя, что ему не удастся вернуться к работе, автор внес в введение к тексту, первоначально посвященное только характеристике рукописной традиции памятника (стр. 16—21), и некоторые данные из подготовлявшейся им третьей части — исследования памятника с историко-литературной точки зрения (стр. 9—16). В полном виде эту намеченную им работу придется осуществлять уже другим исследователям.

Думается, что выпускаемый теперь текст, вместе с изданным раньше переводом, несмотря на все недостатки, в значительной мере вызванные обстоятельствами военного времени, несколько помогут дальнейшему изучению памятника, этого выдающегося источника для истории национально-освободительной борьбы на Кавказе. Подъем исторической работы в Дагестане, создание Архива восточных рукописей в Махач-кала дают все основания надеяться, что усилиями местных ученых, хорошо знакомых со всей традицией края, будут окончательно разъяснены недоразумения, которые затрудняли начинающего, безвременно погибшего исследователя.

Апрель 1946 г.

И. Крачковский

ВВЕДЕНИЕ

Среди немногих, известных науке в арабском оригинале источников для истории Северного Кавказа XIX в. хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“ занимает основное и ведущее место. Довольно значительная по объему, содержащая массу фактического материала, касающегося внешней и, главное, внутренней сторон жизни государства Шамиля, хроника является одним из тех местных первоисточников, без использования которых в наше время вообще нельзя обойтись при детальном и всестороннем изучении данного периода истории.

Автор хроники — современник большинства описанных им событий — в течение 8 лет (1850—1858 гг.) жил в резиденции Шамиля — Дарго. Исполняя при Шамиле обязанности „писца“, как он сам неоднократно указывает, Мухаммед Тахир, естественно, был хорошо осведомлен о всех происходивших в его время событиях. Здесь же, в Дарго, он составил и основную часть своей хроники. Источниками устной информации служил сам Шамиль или же лица, бывшие участниками или очевидцами передаваемых событий. В ряде случаев привлекались письменные документы (послания, письма и пр.) и поэтические произведения других авторов. Обстоятельства составления хроники позволяют рассматривать ее, если не целиком, то в основной части, как вполне надежный исторический источник, вышедший из-под пера современника описываемого периода.

Биографические сведения об авторе хроники крайне скудны и отрывочны; ряд из них имеется в самом его произведении.

Родился он, как указывает его имя, в Карахе, вероятно в конце XVIII или в первом десятилетии XIX в. Арабистическое образование получил он у себя на родине у хаджи Дибира ал-Хунухи ал-Карахи.¹ Круг его ученых занятий можно определить лишь предположительно. Судя по характеру его последующей деятельности и содержанию его литературных произведений, основными науками, в области которых специализировался Мухаммед Тахир, были арабский язык, мусульманское право и поэзия. Первое из известных нам его поэтических произведений относится к 1832 г. Это была элегия на смерть первого имама Дагестана — Гази Мухаммеда. К этому времени Мухаммед Тахир, очевидно, закончил свое

¹ См. текст хроники, стр. 96, примечание 9.

образование, так как он величает себя уже „стремящимся к истине ученым“ (العالم المحقق).¹

Второе дошедшее до нас его поэтическое произведение относится к 1837 г. Оно включено Мухаммедом Тахиром в свою хронику. Это касыда, написанная в связи с проникновением русских в Ашильту. При защите Ашилты погиб его учитель Дибир ал-Хунуки. Мухаммед Тахир обращается к Аллаху с просьбой о даровании сторонникам Шамиля победы над русскими и благословляет прах погибшего своего устаза.² Можно с известной долей уверенности предположить, что кроме упомянутых двух касыд к тому времени у него были и другие литературные или поэтические произведения, однако нам они пока еще не известны. Ничего мы не знаем и о характере его практической деятельности до поселения в Дарго. Впервые упоминание о нем, как о „скромном писце“ при Шамиле в Дарго, мы находим в самой хронике. В „Главе о назначении сына Шамиля Гази Мухаммеда наибом Караяля“ (это назначение имело место в конце 1850 г.) Мухаммед Тахир сообщает: „В эту зиму впервые началось мое житье у имама в Дарго“.³ Жил он в Дарго „до тех пор, пока не умер мой отец во время между возвращением сына имама Джемаль ад-Дина и приходом русских в Буртунай для закладки там крепости“,⁴ т. е. до июля — августа 1858 г.

После падения Дарго Шамиль с небольшим числом оставшихся верных ему приближенных и членами своей семьи с боями отходил к Гунибу. Мухаммеда Тахира не было в числе поднявшихся на Гуниб; он, вероятно, остался в занятом русскими войсками Дарго.

Во время осады Гуниба он был одним из трех посредников, посланных русским командованием к Шамилю для переговоров о сдаче.⁵ Посредников Шамиль на Гуниб не пустил, и Мухаммед Тахир вернулся обратно, не выполнив возложенной на него миссии.

После падения Гуниба и сдачи Шамиля Мухаммед Тахир переселился в Темир-хан-шур, где и жил до конца своих дней, исполняя обязанности кадия,⁶ а впоследствии — старшего кадия дагестанского народного суда. К последнему периоду его деятельности относится и ряд его произведений по вопросам мусульманского права и юриспруденции. Некоторые из этих произведений до нас дошли в арабском оригинале,⁷ другие известны только по случайным упо-

¹ Арабская рукопись исторических произведений дагестанских ученых. Рукописный отдел Института востоковедения Академии Наук СССР, № 3339, л. 7а.

² Касыду см. стр. 94.

³ Стр. 140 и 147, примечание.

⁴ Стр. 147.

⁵ Стр. 147.

⁶ Асари Дагестан. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46, Махач-кала, 1929, стр. 137.

⁷ См. указанную арабскую рукопись, лл. 95—100 (о штрафах и наказаниях в государстве Шамиля).

минаниям их названий.¹ Несколько больших писем на юридические темы, написанных им как участником полемики о „назре“ (пожертвовании на благотворительные и богоугодные цели) с Али Аджи, кадием селения Акуши, — мы имеем опубликованными на русском языке.² Факт участия в данной полемике указывает на то, что он пользовался широкой известностью и авторитетом в местных мусульманских кругах. Из заключительной статьи полемики видно, что он поддерживал переписку и с рядом мекканских и египетских ученых.³ Его авторитет и всесторонние знания мусульманского права и истории ислама неоднократно использовались и русскими властями: кроме выполнения обязанностей кадия и участия в упомянутой полемике о „назре“, он привлекался для выработки законодательства о „сейдах“.⁴

Умер Мухаммед Тахир в 1882 г.

Причины, побудившие Мухаммеда Тахира приступить к составлению данной хроники, нам известны из послесловия к хронике сына автора, Хабибуллаха, продолжавшего и редактировавшего труд отца после его смерти.⁵ Инициатива по составлению хроники исходила от самого Шамиля, желавшего „собрать и записать рассказы про случившееся в его время“.⁶

Как уже указывалось выше, в течение восьмилетнего пребывания в Дарго, резиденции Шамиля, Мухаммед Тахир составил основную часть хроники; здесь он довел описание событий до 1858 г. (возвращение сына Шамиля Джемаль ад-Дина из русского плена). Первые же записки относятся к 1830—1831 гг. — началу деятельности имама Гази Мухаммеда. Эта часть хроники, охватывающая период в 27—28 лет, является наиболее ценной по содержанию и достоверности. Большинство изложенных в ней событий записано непосредственно со слов самого Шамиля и его приближенных, участников или очевидцев передаваемых событий. В ряде случаев автор указывает имена своих информаторов, в их числе и Шамиль,⁷ или называет те письменные источники, из которых он взял отдельные отрывки.⁸ В большинстве же случаев он ограничивается лаконичными оговорками: „сообщил мне человек, заслуживающий доверия“, „передают“, „рассказывают“ и т. п.

¹ Так, например, из писем Мирзы Мавраева к сыну Мухаммеда Тахира Хабибуллаху известно о его сочинении *شرح المفروض*.

² Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V. Тифлис, 1871, стр. 8—10, 17—24 и 33—37.

³ Там же, стр. 40.

⁴ И. Крачковский. Новые рукописи истории Шамиля. Исторический архив, т. II, Изд-во Акад. Наук СССР, 1939, стр. 7.

⁵ Стр. 90.

⁶ Там же.

⁷ См., например, описание обстоятельств избения аварских ханов, стр. 14.

⁸ Послание имама Гази Мухаммеда, стр. 12—13; стихи из его же сочинения стр. 1—11.

Мухаммед Тахир не ограничивается описанием событий, происходивших на стороне Шамиля. Он стремится также собрать и сведения о положении в лагере русских войск. Информации о событиях среди русских он получает от лиц, побывавших при тех или иных обстоятельствах в лагере русских. „Со слов Исмаила, сына Джемал ал-Чиркави, бывшего в то время с русскими“, передано содержание бесед последнего с генералом Пятелиевым,¹ о потерях русских при осаде Ахульго сообщается „со слов Джавад-хана, который раньше служил у русских“, причем Джавад-хан сообщал, в свою очередь, те сведения, которые он вычитал в „военных ведомостях“ (تاریخ), будучи в крепости Кизляр.² Такие же „ведомости“, сообщавшие о потерях русских войск в борьбе с первым имамом Гази Мухаммедом, читал в Дербенде Хусейн ал-Гимри.³ Сведения о событиях, происходивших в лагере русских войск во время осады Ахульго, изложены со слов верного помощника Шамиля — Юнуса. Юнус находился несколько дней в лагере осаждающих во время перемирия, так как он сопровождал выданного в аманаты сына Шамиля Джемаль ад-Дина. Его рассказы выделены в специальное „Дополнение“.⁴

Крайне интересны сообщения хроники о событиях, имевших место в лагере Воронцова во время его неудачной экспедиции в 1845—1846 гг. Здесь дана подробная характеристика неуравновешенной природы самого Воронцова,⁵ приведены тексты двух адресованных ему писем: одно из них „от царя“,⁶ второе — анонимное — было подброшено в его канцелярию в Тифлисе.⁷ Кроме того, приведен ряд личных высказываний Воронцова. Все эти сведения могли исходить только от лица, если не близко знавшего, то, во всяком случае, лично неоднократно видевшего Воронцова и вращавшегося среди его приближенных. Вероятно, информатором этих сообщений хроники Мухаммеда Тахира был один из русских офицеров, при тех или иных обстоятельствах очутившийся в лагере Шамиля. Обычный горец из иррегулярных войск не мог, при всей его наблюдательности, так тонко подметить ряд тех мелких деталей из жизни и традиций русских войск, которые сообщает Мухаммед Тахир (содержание писем, помещение их в газетку, помимо желаний Воронцова, отмена Воронцовым военного салюта и пр.). К сожалению, для этой части хроники Мухаммед Тахир не указывает имен своих информаторов; он здесь повсюду ограничивается обычными для него „нам сообщили“, „рассказывают“ и пр.

Последующая часть хроники охватывает период с 1859 по 1871 г., т. е. период с момента падения Гуниба до смерти Шамиля.

¹ Стр. 7..

² Стр. 7А.

³ Стр. 7V—7A.

⁴ Стр. 77—79.

⁵ Стр. 144—146.

⁶ Стр. 109.

⁷ Стр. 149.

Последняя запись самого Мухаммеда Тахира относится к 1872 г. Она касается пребывания сына Шамиля, Гази Мухаммеда, в Стамбуле.¹ Эта часть хроники писалась при других обстоятельствах и в иной обстановке, чем первая. Шамиль в качестве пленника находился в ссылке в Калуге, Мухаммед Тахир жил в Темир-хан-шуре и состоял на русской службе в должности кадия при мусульманском народном суде. Изменившаяся обстановка в Дагестане и резкие перемены в судьбах как инициатора хроники — Шамиля, так и ее составителя — Мухаммеда Тахира, сказались на ее содержании, формах выражения и достоверности.

Прежде всего, находясь вдали от Шамиля и в то же время продолжая хронику событий, касающихся его жизни, автор уже не мог своевременно и подробно записывать происходившее. Источники его информации в этот период крайне случайны и разнообразны. Среди обычных „передают“, „рассказывают“, или „сообщил мне человек, заслуживающий доверия, со слов такого же“ появляются новые источники — русские газеты.² Записи носят случайный отрывочный характер, без хронологической последовательности, которая строго выдержана в первой части хроники. Часто в одном рассказе соединены сведения о событиях, отстоявших друг от друга во времени на несколько лет и происходивших в различных местах. Нарушено и конструктивное построение хроники. Если в первой части материал относительно равномерно распределен по главам, то во второй многочисленные, совершенно между собою не связанные „дополнения“, „заключения“, „приставки“ чередуются с текстами писем и документов и поэтическими произведениями.

По первоначальному плану автора хроника, вероятно, заканчивалась описанием падения Гуниба и сообщениями о судьбах ряда видных сторонников Шамиля. Это ясно видно по заключительной концовке, в которой автор спрашивает у Аллаха помощи угнетенным жителям Дагестана. Затем к хронике Мухаммед Тахир счел нужным приложить большую касыду (160 двустигий) Хаджи Мухаммеда, сына ал-Хафиза Абд ар-Рахмана ас-Сугратли, в которой в сокращенном виде повторено содержание всей хроники. Перед касыдой Мухаммед Тахир делает краткое замечание, поясняющее причину появления ее в хронике: „Пусть будут стихи равны тому, что им предшествовало в прозе“.³

Однако через несколько лет Мухаммед Тахир вновь принялся за продолжение своего произведения. Поводом к этому послужило попавшее в его руки сочинение зятя Шамиля Абдуррахмана ал-Гази-Гумуки خلاصة التفصيل عن احوال شمويل.⁴

¹ Стр. 701.

² Стр. 70., 74V, 777.

³ Касыду см. стр. 79—719.

⁴ Подробно об этом произведении см. статью акад. И. Ю. Крачковского „Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле“ (Записки Института востоковедения, II, 1934, стр. 9—20).

Абдуррахман, как член семьи Шамиля, находился при последнем в течение всей его 10-летней ссылки в Калуге. Он сопровождал пленного Шамиля из Дагестана в Петербург, а затем в Калугу, ездил с ним в Москву, Красное Село и Петергоф, присутствовал на устраиваемых Шамилю приемах и встречах, осматривал вместе с последним фабрики, заводы, дворцы, музеи, обсерваторию и пр. Впечатления от всего виденного и слышанного Абдуррахман изложил в упомянутом сочинении. Сюда же он включил ряд сведений о жизни Шамиля в период калужской ссылки. Сочинение Абдуррахмана, таким образом, хронологически является как бы продолжением хроники Мухаммеда Тахира. В 1869 г. Шамиль получил разрешение царского правительства поехать в Мекку в хадж. Вскоре после отъезда Шамиля Абдуррахман вернулся к себе на родину в Дагестан, где и провел остаток своих дней в должности кадия Гази-Гумука. Рукопись своего произведения Абдуррахман хранил при себе; он продолжал свои записки и после отъезда Шамиля из России. По заключению акад. И. Ю. Крачковского, Абдуррахман начал писать свое произведение около 1864 г., а дополнения вносил вплоть до 1883 г.,¹ т. е. находясь уже в Дагестане. Мухаммед Тахир, получивший возможность познакомиться с произведением Абдуррахмана после переселения последнего в Дагестан, решил, вероятно, пополнить сведения своей хроники материалами, собранными Абдуррахманом. Он воспользовался этим сочинением и включил ряд извлечений из него в свою хронику под специальным заглавием „Дополнение“.² Так получился законченный очерк о жизни Шамиля; начатый описанием первых шагов его деятельности еще при первом имаме Гази Мухаммеде, он доведен до времени отъезда Шамиля в Мекку.

Не вдаваясь в детальную и всестороннюю оценку произведения Абдуррахмана, все же необходимо отметить, что по содержанию, тону и манере изложения и идеологической направленности это произведение резко отличается от хроники Мухаммеда Тахира. Здесь ярко выразились диаметрально противоположные политические ориентации и взгляды авторов и, кроме того, сказалась та различная обстановка, в которой писались оба произведения.

Мухаммед Тахир писал свою хронику в период ожесточенной борьбы горцев во главе с Шамилем против царских войск, против колонизаторов и их помощников — местной знати и ханов. Будучи в то время верным сторонником горцев и одним из приближенных Шамиля, он неизбежно должен был освещать излагаемые в хронике события с точки зрения своей среды, выражать настроения и чувства горцев и их руководителей, разделять господствовавшие в государстве Шамиля взгляды, симпатии и антипатии. Кроме того, составляя хронику по устным рассказам самого Шамиля и его ближайших помощников, т. е. со слов идейных и военных

¹ См. указанную статью, стр. 13.

² Стр. 222.

руководителей горцев, Мухаммед Тахир находился в полной зависимости от своих информаторов не только при выборе фактического материала, но и при оценке событий. В итоге его произведение правдиво отражает действительность и идеологию участников и руководителей описываемых им событий.

Абдуррахман писал во время пребывания Шамиля в Калуге в качестве почетного пленника. Царское правительство прекрасно знало о том влиянии, которое имел Шамиль среди горцев в течение 25-летней кровопролитной борьбы. Знало оно и о том, что, несмотря на прекращение борьбы и плен Шамиля, имя последнего, как „имама“, руководителя „священной борьбы“ против „неверных“ — русских, все еще должно было оставаться священным среди многих мусульман. Дагестан был покорен, но дух горцев не был сломлен: в различных уголках страны периодически вспыхивали мелкие восстания, грозившие каждую минуту перерасти во всеобщую „священную войну“ за независимость и свободу. Достаточно указать хотя бы на то, что всего через несколько месяцев после падения Гуниба вспыхнуло восстание в Ичкерии (май 1860 г.), затем в Ункратальском обществе (октябрь 1860 г.) и с тех пор отдельные вспышки повторялись до всеобщего восстания в 1877 г. Во главе восстаний часто стояли бывшие наибы Шамиля. При такой обстановке царскому правительству было очень важно изолировать Шамиля, не допустить с его стороны оказания какого-либо влияния на восставших горцев, сделать из пленного имама и членов его семьи своих сторонников. Этими обстоятельствами и определялось чрезмерно почтительное отношение царских властей к пленному Шамилю. Александр II любезно обходится с ним, приглашает его на военные парады, дает ему аудиенции, посылает от своего имени подарки. Шамилю и его спутникам показывают дворцы, музеи, военный арсенал, обсерваторию, фабрики, заводы и пр. Их окружают довольством и роскошью. Военные власти, во главе с министром Милютиним, внешне оказывают ему почтение и уважение, ведут с Шамилем любезную переписку. Так, например, во время пребывания Шамиля в Калуге военным министром было приказано всем проезжавшим через Калугу военным чинам от прапорщика до генерала включительно делать визиты Шамилю. Каждый посещавший Шамиля получал предварительно инструкцию у пристава при Шамиле о том, как себя держать во время визита и на какие темы вести разговор. Пленному руководителю горцев были оказаны почести как высокопоставленному титулованному гостю.

Молодой Абдуррахман, с детства находившийся в условиях суровой и примитивной жизни Дагестана того времени, воспитанный в среде горцев, ведущих непрерывно ожесточенную борьбу с „неверными“ — русскими, был ошеломлен происшедшей в его жизни переменной обстановки. Он быстро забыл о своей родине и своих единоверцах, продолжавших борьбу в Дагестане. Внешние почести и милости сделали из Абдуррахмана, принимавшего все поступки

царского правительства за проявления искренних чувств, верного русского подданного. Он бесконечно благодарен за все „благоденствия“, оказанные Шамилю и его семье царским правительством. Его восхищает „доброта“ царя к Шамилю и уважение, проявляемое русскими властями в отношении всех с ним находившихся. Когда Абдуррахман сравнивает отношение русских к пленному Шамилю с отношением горцев к своим пленникам, то по его словам: „содрогается моя кожа и стыд морщит веселость моего лица“.¹ Находясь полностью во власти этих настроений и чувств, Абдуррахман и писал свое произведение, которое оказалось, в противоположность хронике Мухаммеда Тахира, панегириком царским властям.

Мухаммед Тахир, включая в свою хронику извлечения из произведения Абдуррахмана, соединил, таким образом, в одно целое два сочинения, написанные авторами, стоящими на диаметрально противоположных позициях.

Последующие дополнения к хронике сделаны уже, вероятно, после смерти Мухаммеда Тахира его сыном Хабибуллахом. Эти дополнения распадаются на две части: первая содержит тексты писем и речей, вторая — сведения о последних днях Шамиля в Медине и обстоятельствах его смерти.

Источник первой части дополнений Хабибуллаха нам не известен. Вероятнее всего это были какие-то записи, случайно попавшие в руки Хабибуллаха, может быть даже из семейного архива Шамиля. Все приводимые документы Хабибуллах ошибочно рассматривает как письма Шамиля к царю и от царя к Шамилю. В действительности же, как явствует из содержания самих документов, письмами являются только два первые документа — прошение, направленное Шамилем Александру II с просьбой о принятии от него и членов его семьи присяги на подданство² и ответ об удовлетворении просьбы Шамиля, посланный военным министром Милютиним.³

Третий документ представляет текст присяги, принятой Шамилем в дворянском собрании города Калуги. Последние три документа — записи речей, которыми обменялись в дворянском собрании губернский предводитель дворянства и Шамиль после окончания церемонии принятия присяги.⁴

Источником информации второй части дополнений Хабибуллаха был сын Шамиля Гази Мухаммед, с которым Хабибуллах встречался в Медине.⁵ Гази Мухаммед был отпущен царским правительством из России в 1870 г. сроком на 6 месяцев для совершения паломничества в Мекку и посещения отца, находившегося тогда в Медине. Ко времени приезда Гази Мухаммеда Шамиля уже не было в живых. Гази Мухаммед вернулся в Россию и через год был отпу-

¹ Стр. ггv.

² Стр. ггi.

³ Стр. ггг—ггг.

⁴ Стр. ггг—ггг.

⁵ Стр. гoi.

щен в Медину к семье покойного отца на постоянное жительство. В 1873 г. он переселился с семьей в Стамбул. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Гази Мухаммед служил в турецких войсках в чине дивизионного генерала. Затем, после поражения Турции, вынужден был опять переехать в Медину, где и жил до конца своих дней. Умер он в 1903 г. Встреча Хабибуллаха с Гази Мухаммедом в Медине могла состояться не ранее 1881—1882 г. Мухаммед Тахир умер в 1882 г., т. е. примерно в то же время. Таким образом продолжение хроники отца было для Хабибуллаха не случайным занятием, а как бы наследственной обязанностью. Кроме указанных дополнений, Хабибуллах систематически пополнял хронику отца различными дошедшими до него сведениями, легендами и рассказами. Его пополнения к различным главам легко проследить по примечаниям издаваемого нами текста (см., например, легенды об Ахульго, стр. vг).

В 1902 г., по инициативе владельца арабской типографии в Темирхан-шуре Мирзы Мавраева, принимавшего деятельное участие в издании трудов Мухаммеда Тахира ал-Карахи, Хабибуллах приступил к подготовке хроники отца к печати. Царская цензура никоим образом не дала бы разрешения на издание этой хроники. Это понимал Хабибуллах и еще более учитывал Мирза Мавраев. Тогда Мавраев решает несколько переделать хронику: он советует Хабибуллаху, не изменяя ее основного содержания, опустить все те места, где автор нелестно отзывался о русских, заменить ругательные эпитеты более пристойными и дать произведению другое заглавие. В одном из своих писем к Хабибуллаху Мавраев писал: „Я раньше хотел печатать «Блеск горских шашек», однако печатание ее в данном виде невозможно. А если бы ты выбросил из нее то, что порочит российское правительство и переименовал название на «Кремни Дагестана» или что-либо подобное, то я, может быть, смог бы взять разрешение на ее напечатание. Поистине, как часто цензура смотрит на название книги и на их начала и концы без внимательного рассмотрения того, что находится в самой книге. Пойми это, и с миром“.¹

Хабибуллах переделал хронику в точном соответствии с указаниями Мавраева. В конце хроники Хабибуллах поместил „Разъяснение выражений“, т. е. своеобразный подстрочный толковый словарь. Этот словарь помещен нами в алфавитном порядке корней вслед за текстом хроники. В ноябре 1904 г. Мавраев сдал рукопись в цензуру. Разрешение на издание этого, значительно переделанного „в интересах дела“, как пишет Хабибуллах в своем послесловии, произведения Мавраев не получил. Труд Хабибуллаха пропал даром. Рукопись была похоронена в цензурных архивах. Вновь появилась она на свет только через 30 лет: в 1934 г. ее передали в Институт востоковедения Академии Наук СССР наследники бывшего

¹ Подлинник письма хранится в Дагестанском краеведческом музее в г. Махачкала. Перевод с арабского сделан мною.

цензора мусульманских изданий проф. В. Д. Смирнова. В издаваемом тексте она использована нами в числе других рукописей. По примечаниям к тексту легко проследить все изменения и переделки, произведенные Хабибуллахом в произведении отца.¹

Начало составления хроники, как указывалось выше, следует относить к 1850—1851 гг., ее окончание, на основе последних записей Хабибуллаха, датируется 1904 годом. Хроника, таким образом, составлялась в течение пятидесяти с лишним лет.

Хроника Мухаммеда Тахира получила широкую известность среди горцев задолго еще до ее окончания. Написанная в Дарго первая часть хроники (включая главу о возвращении из русского плена Джемаль ад-Дина) считалась, вероятно, автором вполне законченным произведением. Копии с этой части хроники начали распространяться еще до падения Гуниба. О существовании произведения Мухаммеда Тахира были осведомлены и русские военные власти. Известный кавказовед того времени А. П. Берже, побывавший на Гунибе всего через несколько месяцев после его падения, получил в подарок от генерала Лазарева копию хроники Мухаммеда Тахира.²

Полковник П. Г. Пржецлавский, назначенный после сдачи Шамиля начальником Дербентского уезда и поселившийся на Гунибе, также имел копию произведения Мухаммеда Тахира и уже в 1860 г. занимался переводом хроники на русский язык.³ Можно с уверенностью предположить, что копия хроники была и у отправившегося в калужскую ссылку Шамиля, так как она и составлялась собственно по его заказу и инициативе. Сын Шамиля Гази Мухаммед, находясь в Медине, также имел список этого произведения. Может быть это был список, доставшийся ему в наследство от отца. Свой список Гази Мухаммед впоследствии подарил посетившему его в Медине известному турецкому литератору и поэту Мехмеду Акиф-бею Эфенди. Турецкий перевод этой рукописи был опубликован в Стамбуле в 1914 г.⁴ Как явствует из турецкого перевода, список Гази Мухаммеда также оканчивался главой о возвращении Джемаль ад-Дина, т. е. принадлежал к числу наиболее ранних копий.

Последующие известные нам по различным упоминаниям или в оригиналах списки хроники уже включают касыду Хаджи Мухаммеда ас-Сугратли и извлечения из сочинения Абдурахмана ал-Гази-Гумуки. Наиболее ранний из известных нам списков этой группы

¹ Автограф Хабибуллаха хранится в Рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук СССР (В 2521). В издаваемом тексте при ссылках эта рукопись обозначена „рукопись А“.

² Сделанный А. П. Берже перевод первых трех глав хранится в Архиве Академии Наук СССР (Фонд 100, оп. 1, д. № 195/15).

³ Перевод П. Г. Пржецлавского, датированный 1 июля 1862 г., находится в Архиве Академии Наук СССР среди бумаг историка Кавказа Н. Ф. Дубровина (Фонд 100, оп. 1, д. № 44).

⁴ طاهر المولى، دار الخلافة، ۱۳۳۳ قفقاس مجاهدی شیخ شاملیک غزواتی

был скопирован с оригинала, по определению акад. И. Ю. Крачковского, в 1873—1874 г. Кто был заказчиком и переписчиком этого списка, к сожалению, не установлено. Рукопись приобретена Институтом востоковедения Академии Наук СССР в конце 1939 г. у одного проживающего в Махач-кала арабиста — Абдурахмана Казиева.¹

Списки хроники распространялись не только в пределах одного Кавказа. Иногда они попадали в самые различные уголки мусульманского мира. Так, например, в 1935 г. экспедиция Академии Наук СССР приобрела в Астрахани список хроники, датированный 1899 годом.² Эта рукопись переписана дагестанцем Али, сыном Абд ал-Хамида ал-Гази-Гумуки, и была поднесена в дар известному астраханскому ученому Абд ар-Рахману, сыну Абд ал-Ваххаба.

За пять лет до выхода в свет цитированного выше турецкого перевода Тахира аль-Мевлеви, в 1909 г., в Стамбуле был издан небольшой сборник стихов, извлеченных из хроники Мухаммеда Тахира. Сборник имеет одноименное с хроникой название. Издан он дагестанцем Тахиром ар-Ригали ал-Хусейни, как указывает автор в предисловии, на его собственный счет. В этот сборник входит также и касыда хаджи Мухаммеда ас-Сугратли. Наличие в сборнике указанной касыды указывает на то, что источником для сборника послужил один из более поздних списков хроники. Таким образом только в одной Турции по нашим, далеко не полным сведениям имелось два списка хроники: список, подаренный Гази Мухаммедом упоминавшемуся выше литературоведу Мехмеду Акиф-бею Эфенди, и список, послуживший источником для сборника стихов Тахира ар-Ригали ал-Хусейни. Есть все основания полагать, что при более тщательных изысканиях можно было бы обнаружить списки хроники Мухаммеда Тахира и в других мусульманских странах, в частности в Египте и Саудии.

Оригинал хроники, вероятно, находился у автора до конца его жизни. После смерти Мухаммеда Тахира автограф остался у его сына Хабибуллаха, который пользовался им при составлении списка, предназначенного для печати. О том, что Хабибуллах пользовался именно автографом, а не одним из списков произведения отца, говорят следующие факты: в списке Хабибуллаха содержится ряд отсутствующих в других списках сведений; судя по характеру этих сведений, они могли быть записаны только самим автором; значительное количество глосс рукописи Хабибуллаха, также не имеющих в других списках, заканчиваются пометкой منه, т. е. „от автора“, пояснения же и глоссы самого Хабибуллаха отмечены من ابنه, т. е. „от сына автора“, и, наконец, обращение Мирзы Мавраева к Хабибуллаху с просьбой переработать рукопись отца для печати говорит о том, что Мавраев знал о месте нахождения автографа произведения.

¹ В тексте при ссылках данный список обозначен „рукопись К“.

² Рукописный отдел Института востоковедения Академии Наук СССР (В 3712). При ссылках в тексте этот список озаглавлен „рукопись Б“.

Дальнейшая судьба оригинала хроники неизвестна; может быть со временем он и будет обнаружен, но в данное время он науке недоступен.

При подготовке к изданию данной хроники передо мной была поставлена задача дать такой текст хроники, который по своему объему и содержанию наиболее приближался бы к утраченному оригиналу. Эта задача могла быть решена только при наличии нескольких копий, отражающих постепенные этапы нарастания хроники в течение пятидесятилетнего периода ее написания. При копировании арабоязычных произведений и документов даже самый аккуратный и грамотный переписчик не гарантирован от случайных ошибок, описок и пропусков. Кроме того, в зависимости от предполагаемого назначения снимаемой копии, конкретной обстановки, политической ориентации, личных интересов и симпатий переписчика или заказчика в новые списки, как правило, сознательно вносятся ряд изменений: некоторые места оригинала опускаются или наоборот, дополняются новыми, отсутствующими в оригинале сведениями, пояснениями и комментариями.

Наглядным примером к сказанному может служить рукопись Хабибуллаха. Руководимый тщетной попыткой напечатать произведение отца, он вынужден был в угоду придирчивой царской цензуре значительно переделать хронику: опустить ряд мест текста, заменить все резкие и подчас грубые эпитеты автора, иногда дать совершенно иное изложение текста,¹ дополнить произведение рядом сообщений и копиями документов, содержание которых совершенно не согласуется с духом и общей направленностью произведения² и даже изменить название произведения. В итоге получилась копия, во многом отличная от своего оригинала и в то же время, казалось бы, наиболее авторитетная, так как снята непосредственно с оригинала лицом, близким к автору произведения. Необходимо указать, что без сличения с другими копиями невозможно установить количество и характер допущенных Хабибуллахом отклонений; о внесенных им изменениях Хабибуллах очень глухо упоминает лишь в послесловии своей рукописи.³

Мотивы, побудившие переписчика или редактора внести те или другие изменения, не всегда могут быть известны. Если по случайно обнаруженному письму Мирзы Мавраева и пометке на самой рукописи о том, что она представлена в цензуру, можно с известной определенностью установить причины, побудившие Хабибуллаха внести в рукопись изменения, то некоторые изменения в других списках хроники объяснить невозможно. Совершенно ничего определенного нельзя сказать, например, о пропуске в астраханской

¹ Ср., например, текст хроники в рукописи Хабибуллаха на стр. 97, примечание 1, где идет речь о женитьбе Шамиля на взятой в плен армянке Шуаванат.

² Имеются в виду тексты документов и содержание речей, приведенных в „дополнении“ (см. стр. 661).

³ Стр. 606—608.

рукописи (рукопись Б) касыды Мирзы ал-Ахди, написанной им во время его заключения у Шамиля.¹

Учет истории создания хроники и особенностей каждой из имевшихся у меня, первоначально, трех копий² привел к выводу о необходимости привлечения дополнительных списков, предпочтительно различных дат написания. Вскоре в Махач-кала мною были обнаружены еще две рукописи,³ которые удачно восполнили имевшийся пробел.

При подготовке текста, таким образом, появилась возможность использовать пять рукописей, даты написания которых последовательно расположены в пределах 60 лет (К 1872 г. — Б 1899 г. — А 1904 г. — без шифра 1929 г. и В без даты). Важно также отметить, что места нахождения рукописей различны: Махач-кала (2 рукописи), Тбилиси, Астрахань и рукопись А из царских цензурных архивов.

При установлении критического текста, в случаях разночтений в отдельных рукописях, предпочтение отдавалось тексту, имеющемуся в большинстве рукописей, или же — рукописи К, как наиболее ранней. Транскрипция и огласовки собственных имен и географических названий приняты преимущественно по рукописи А, так как в ней наиболее полно даны имена и тщательно расставлены огласовки и диакритические знаки у литер, применявшихся в то время в Дагестане дополнительно к арабскому алфавиту. Допущенные в хронике отклонения от норм арабской грамматики и синтаксиса мною сохранены в издаваемом тексте.

Говорящие на языках яфетической системы народы Дагестана, пользуясь при письме арабским языком, неизбежно должны были ощущать трудности не только в области передачи фонетических особенностей своих языков, но также и в области морфологии и синтаксиса. Возникла вполне закономерная потребность в дополнительных к арабской грамматике средствах передачи звуков и мысли. Особенно острая потребность в дополнительных средствах фонетической передачи ощущалась при написании местных географических названий и собственных имен. Кроме того, арабская лексика постепенно пополнялась новыми словами и терминами, заимствованными из других языков, в частности аварского и русского.

Издаваемая хроника Мухаммеда Тахира, помимо ее исторической ценности, представляет также исключительный интерес и с филологической точки зрения. Впервые на страницах этого относительно

¹ Мирза Али был взят Шамилем в плен во время сражения в селении Ахди в 1848 г. Затем в качестве заложника от этого селения он находился в заключении. В своей касыде Мирза Али сетует на постигшую его горькую участь.

² Первые две — упоминавшийся выше автограф Хабибуллаха (рукопись А) и астраханская (рукопись Б), третья — фото-снимок со списка, хранящегося в Тбилиси, любезно предоставленный мне в пользование проф. Г. В. Церетели.

³ Разобранная выше рукопись К и вторая, почти буквально ее повторяющая и вероятно восходящая к очень близкому к рукописи К списку. Последняя рукопись, как наиболее поздняя по времени написания (1929 г.) и тождественная рукописи К, привлекалась при подготовке текста только для справок.

крупного произведения мы можем всесторонне проследить все те нововведения и дополнительные средства выражения фонетики и мысли, которыми пользовались в Дагестане в XIX в. Наличие же нескольких списков одного и того же сочинения дает, кроме того, еще и богатый сравнительный материал, вполне достаточный хотя бы для предварительного и поверхностного изучения этих новых для арабского языка филологических явлений. Для передачи ряда звуков и фонем, имеющих в дагестанских языках, но отсутствующих в арабском, в хронике, как и в других письменных документах того же периода, применены дополнительные литеры: ç — ч, реже ж, ğ — кх, ž — обычное русское ц, č — смычно-гортанное кль, č — русское г, č — ль, č — тль.

Некоторые из этих литер к тому времени, вероятно, еще недостаточно прочно вошли в алфавитную систему и не твердо закрепились за собой соответствующие комбинации звуков. Этим обстоятельством объясняется, повидимому, чередование при написании одних и тех же слов или названий литеры ç с ç , č с č , č с č и пр. Одновременно с этим недостаточно четко различались, а поэтому иногда смешивались, некоторые арабские звуки ح и ط , ذ и ز , خ и ق , غ и ق и пр. Все эти особенности в транскрипции оставлены мною неизменными и их необходимо учитывать при чтении данной хроники. Дополнительные средства выражения и уточнения излагаемой мысли были найдены дагестанскими учеными в своеобразной системе под- и надстрочных пояснительных значков.¹ Попутно необходимо отметить, что расшифровать эти значки, долгое время остававшиеся непонятными арабистам, мне удалось лишь благодаря текстам хроники.

Пополнение лексики шло, главным образом, за счет привлечения русских терминов и названий военных чинов и титулов. Лексическая сторона хроники Мухаммеда Тахира исследована акад. И. Ю. Крачковским в цитированной выше его статье „Новые рукописи истории Шамиля“; кроме того, к издаваемому тексту приложен указатель всех употребляющихся в хронике русских и отчасти вообще неарабских слов.

Морфологические особенности языка хроники касаются исключительно местных географических и этнических названий и образованных от них прилагательных. Очень часто при написании этих названий автор пользовался одновременно нормами арабского и аварского (или других соседних с ним) языков.

Так же часто автор хроники употреблял местные названия (аварские и чеченские), вигде до сих пор на картах не зафиксированные. Расшифровка этих названий может быть выполнена только лицом, хорошо знающим дагестанские языки и местную историческую

географию. По моей просьбе известный специалист в этих областях проф. А. Н. Генко любезно взял на себя труд идентифицировать ряд таких названий с общепринятыми. Им составлен прилагаемый к данному предисловию „Географический указатель“, за что и приношу ему свою искреннюю благодарность.¹

Вся работа по подготовке и изданию данной хроники и русского с нее перевода велась мною под непосредственным руководством и контролем акад. И. Ю. Крачковского. Его строгая требовательность и в то же время неизменная внимательность дали мне возможность справиться с поставленной задачей.

Девять лет тому назад И. Ю. Крачковский первый поставил вопрос о необходимости изучения дагестанских арабоязычных произведений как весьма ценных источников для истории народов СССР. Затем он взял на себя инициативу подготовки ряда переводов наиболее важных из этих источников и издания их в арабском оригинале и русском переводе — первый результат этой его инициативы.²

А. Барабанов

Июнь 1941 г.

¹ [В материалах А. М. Барабанова рукопись упомянутого указателя не была найдена и он не мог быть напечатан].

² [Последние части настоящей работы, равно как и предисловие, печатаются без окончательного просмотра и корректур издателя, который с начала войны находился на фронте. В связи с этим редактор не имел возможности проверить ряд мест в арабском тексте, казавшихся искаженными, равно как удалить недоразумения в глоссарии и указателе или восполнить пробелы, оставленные издателем до набора всей работы. Можно все же надеяться, что и в таком виде текст, печатавшийся по необходимости спешно, послужит основательной базой для углубленного изучения этого важного памятника].

¹ Подробно об этих значках см. мою статью „Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа“ (Советское востоковедение, III, Изд-во Акад. Наук СССР, 1945), стр. 183—214.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

بارقة السيوف الداغستانيّة
في بعض الغزوات الشاميّة
جمعها
محمد طاهر القراخي

فهرس السكتاب

٧	مقدمة المؤلف
٩	بابُ بءاءِ أَمْرِ غازی محمد
١٣	باب بءاءِ غازی محمد بالتجییش
١٤	باب الوقعة الاولى في حُنْرُحْ
١٦	باب وقعة حمزة في چَارُ نَلَهْ
١٧	باب الوقعة الاولى في قلعة أَغْشُ
١٧	باب وقعة قلعة تَرْمُو
١٨	باب مخاصمة قلعة إندری و غزوة أَغْدَشْ عَوْخُ
١٩	باب فتح قلعة قِذْلَارُ
٢٠	باب الوقعة الثانية في قلعة أَفْشُ
٢١	باب تجییش غازی محمد الى چچان
٢٤	باب غزوة استشهد فيها غازی محمد و جُرح شمويل
٢٨	باب ما وقع لشمويل مع كَمْرَاهُ بعده
٣١	باب استخلاف حمزة و بيان وقائعه
٣٢	باب الوقعة في رُغْجُ
٣٣	باب قتل رؤساء حُنْزُ و ما جرى فيه
٣٧	باب خروج حمزة الى سَلْطَهْ و بيان استشهاده على يد حُنْزُ
٣٨	باب بدء خلافة شمويل و ما لاقاه فيه
٤٢	باب هجرة شمويل الى عَشَلْطَهْ و ما جرى قبلها و فيها
٤٥	باب تجییش أَنْصَالُ على شمويل
٤٩	باب فتح أَنْصَالُ أَوَّلًا
٥٠	باب الوقعة في هُنْزَالُ مع عَمْدَلْ و حُنْزُ
٥١	باب تجییش شمويل لمقابلة الروس حين قصدوا الى حُنْزُخْ و معارضة عَشْشُ عليه
٥٢	باب الغزوة في طَلِيقُ و دخول الروس الى عَشَلْطَهْ

Ответственный редактор

академик И. Ю. Крачковский

١١٩	باب نقل أهالى قُرى أوارُ بتخريب الأوطان و الديار
١٢١	باب سرية شَعِيْب
١٢٢	باب فتح قلعة كُوكَب و محاصرة قلعة سُورَه و غير ذلك
١٢٣	باب جلاء الروس من خُنَزُخ و محاصرتهم في قلعة زِرَان
١٢٥	باب فتح قلاع يَنْغُورُت و زُيْبُ و مِيْرُطَه و كِلْبَغ
١٢٦	باب سرية افندى الى خَيْدَاق و طَبَسْرَان
١٢٨	باب سرية عَمِيْرُخَان الى ارْفُرى و قَرْنِي
١٢٩	باب جلاء چِرَكه من أوطانهم
١٣٢	باب خروج الامام الى آفُوشَه
١٣٣	باب سرية دَانِيال سلطان لفتح قرية جُوج و حرقها
١٣٦	باب الغزوة الكبيرة التى قمع فيها وَرُصُوف و انهزم بالغزى و التأسف
١٣٨	باب خروج الامام من قرية عَنْدَه بعد احراقها و ما جرى بعده
١٤١	باب نُزُول الروس الى دَرغِيَه العتيقة و بدء الغزوة بهم
١٤٣	باب وقعة بَلُغَت
١٤٤	باب خروج الروس من دَرغِيَه مُدبِرِيْن
١٤٥	باب وقعة شَمُخَال بِرُز
١٥٠	باب في دخول الروس الى ناحية فَرَاخ
١٥١	باب استيطان في دَرغِيَه الجديدة
١٥٢	باب تجيش الامام الى چِرُكِيْس
١٥٣	باب وقعة كُتِيْشَه
١٥٨	باب وقعة قلعة سَلْطَه
١٦١	باب وقعة قلعة پَرُكِيْل
١٦٢	باب غزوة آخِيَه
١٦٩	باب وقعة قلعة چُوخَه
١٧٥	باب غزوة شَلَى أَوَّلَا
١٧٥	باب تولية غازى محمد بن الامام نَائِبَا
١٧٦	باب غزوة شَلَى ثَانِيَا و ثَالِثَا و رَابِعَا
١٧٧	باب السرايا الى خَيْدَاق و طَبَسْرَان ثَانِيَا و ثَالِثَا و رَابِعَا
١٨٠	فصل في سرية بَقُ محمد

٥٥	باب ما وقع لشمويل مع اهل چِرْقَطَه و هو فيها
٥٧	باب بيان سبب تهيئة اَحْلُكُج
٥٨	باب غزوة طَرَدَ اِنْعَلُ
٦٠	باب غزوة اِرْغِيْن
٦٢	باب غزوة اَحْلُكُج
٦٤	باب دفع جمال الدين بن شمويل الى الروس على اسم الرهن للمهادنة
٧١	باب خروج شمويل من اَحْلُكُج
٨٤	باب اقبال شَبُوت و سائر چچان على شمويل
٨٥	باب بدء تجيش شمويل بعد ان اقام في شَبُوت
٨٨	باب ما وقع بين شمويل و من فقا عينيه
٩٠	باب غزوة اِسْكَتَلِي و غيرها
٩٥	باب غزوة سَعِيْدُ يُوْرَت
٩٦	باب فتح كِلْبَاخ ثالثا و غزوة نَاصِرِيْن
٩٦	باب مجيء الروس الى چِرُكُه و بناء القلعة فيها
٩٨	باب فتح اَنْصَال ثانيا و پَرُكُز و بَلُكِيْن
٩٩	باب فتح پُكُوَال بجيش جَوَادُ خَان
١٠١	باب فتح غازى عُمُقُ أَوَّلَا
١٠٢	باب وقعة غازى عُمُقُ ثَانِيَا
١٠٥	باب غزوة كُجَلِك
١٠٧	باب غزوة اِبِهَل
١٠٨	استطواد ببعض ما وقع لِبَرَاثد الامام الذين ارسلهم الى حضرة السلطان عبد المجيد خَان
١١١	باب بدء صُورُغ المدفع الذى اشتدت به شوكة الامام و قُبِحت به قلاع كثيرة من ايدى الكفار
١١٢	باب غزوة طَدُيْتَر
١١٣	باب فتح قلعة اَنْصَال
١١٧	باب فتح قلاع بَلُكِيْن و مُكْسُخ و زَطْنُخ و عَكِيْج و هُرْزَال

١٨١	باب وقعة چَارُ
١٨٢	باب الغزوة المباركة الكرجية
١٨٦	باب رجوع جمال الدين ابن الامام اليه
١٩٠	باب ابتداء الغتن و المحن لشمويل و أحزابه
١٩٢	باب وقعة كَرْغِيَّةُ الجديدة
	باب الفتنة الكبرى و البلية العظمى على كلِّ داغستان التي دخل فيها
١٩٢	شمويل تحت يد الروس
١٩٩	تذييل
٢٠٤	فصل
	خاتمة بنظم رائق و كلام صادق لحاج محمد ابن الحاج الحافظ عبد الرحمن
٢٠٩	الصغوري الغائقي
٢٢١	خاتمة أخرى
٢٢٣	تتميم باعزاز و تكريم للامام شمویل
٢٣١	فصل في ذكر رحلة الامام شمویل الى الپادشاه الاكبر
٢٣٥	تتمة لما بقى
٢٣٧	فصل في تقويم رجلى نَجَابَةِ الْمُعْوجَّتين خلقة بمنت الامام شمویل
٢٣٩	مكتوب جمال الدين الى شمویل
٢٤٠	بقية من عجائب مدينة فِتْرُبْرُغُ
٢٤١	تتمة برسائل الامام و الپادشاه الاعظم
٢٤٦	تتمة فيه لشمویل استغراق كلِّ نعمة
٢٥٤	تذنيب تنبيهه
٢٥٤	تتمة مُحَرَّرِ الكتاب
٢٥٥	Заключение к рукописи Б
٢٥٦	Предисловие к глоссарию А
٢٥٨	Глоссарий рукописи А